

РУССКИЙ КОММУНИЗМ

«Теплая война». С окончанием холодной войны не прекратилась борьба Запада против Советского Союза. Наоборот, она усилилась и вступила в новую фазу, которую я называл «теплой войной». Она охватила прежде всего сферу идеологии.

В течение всей советской истории советским людям со стороны государственной идеологии прививалась негативная картина Запада. Ничего преступного и аморального в этом не было. Это

обычное дело в реальной истории. Ведь и на Западе даже без единой государственной идеологии массам населения прививались и прививаются с удвоенной силой теперь идеологически тенденциозные и ложные представления о Советском Союзе и о коммунистическом обществе вообще.

Теперь же произошел беспрецедентный перелом в отношении к Западу даже в сфере официальной идеологии. Она ринулась в другую крайность, причем с ведома высшей власти страны, по ее приему и по ее указаниям. Были сняты запреты на преклонение перед Западом. Советским людям стали с неслыханной силой навязывать позитивный образ Запада и западофилию. В идеологическом оболванивании советского населения в прозападном духе приняли активное участие многочисленные перевертыши, ранее ревностно проводившие установку на западофобию; работники идеологического и пропагандистского аппарата; советские средства массовой информации; советские эмигранты на Западе; советские деятели культуры, добивавшиеся популярности на Западе; советские граждане, побывавшие на Западе и привезшие оттуда дефицитные вещи; представители высшего советского руководства. Свой огромный вклад в это внесла западная пропаганда. Ей не только перестали чинить препятствия, но стали всячески помогать. Многие лица, занимавшиеся активной антисоветской и антикоммунистической пропагандой, стали почетными гостями в Советском Союзе. Их стали печатать в советской прессе. На них стали ссылаться как на авторитеты, причем даже высшие лица руководства. К ним стали обращаться за советами, какие меры надо принимать, чтобы быстрее разрушить все советское и уподобиться Западу.

Советская официальная идеология обнаружила полную неспособность отстаивать положительные достижения своего общественного строя и критиковать дефекты западного, оказалась не подготовленной к массивной идеологической атаке со стороны Запада. В стране началась идеологическая паника. Появились идеологические дезертиры, предатели, перевертыши. Идеологические генералы начали перебегать к противнику. Началась беспремерная оргия очернения всего, что касалось советской истории, советского социального строя и коммунизма вообще.

Идеологический перелом не ограничился сферой сознания. Новая идеология («новое мышление») стала внедряться в прак-

тику. Начав с серии бессмысленных насильственных реформ и потерпев на этом пути банкротство, советские реформаторы встали в конце концов на путь насильственной западнизации страны, стали перестраивать советское общество по западным образцам. При этом они игнорировали тот факт, что западные образцы не являются универсальным благом для всего человечества. Эти образцы дали хорошие результаты только для небольшой части человечества, а именно лишь для народов западных стран. Для подавляющего большинства народов планеты они были и остаются чужеродными. Не являются на этот счет исключением и народы Советского Союза.

Подчеркиваю искусственный и насильственный характер этих преобразований. В Советском Союзе до этого не созрели и не могли созреть в принципе никакие предпосылки для перехода к капиталистическим социальным отношениям и к соответствующим им политическим формам. В массе населения не было никакой потребности в переходе к капитализму. Об этом мечтали лишь преступники из «теневой экономики», отдельные диссиденты, скрытые враги и часть представителей привилегированных слоев, накопившая богатства и хотевшая их легализации. Начавшийся позднее энтузиазм по поводу ломки всего советского был результатом новой антисоветской и антикоммунистической пропаганды и массового помутнения умов, а в верхах власти просто желанием угодить западным хозяевам, без поддержки которых они давно были бы выброшены на помойку истории.

Кризис. Послужив толчком к развязыванию кризиса, горбачевская политика «перестройки» сама стала главным источником кризиса и его самым сильным проявлением. Начавшись с идеологии и морального состояния общества, кризис углубился до самых его основ, охватив систему власти и управления и социальную организацию населения.

Был нарушен фундаментальный принцип владения. Поощрение форм владения, приближающихся к форме частной собственности, в огромной степени способствовало разрушению коллективистских оснований коммунизма. Нарушилась стабильность социальной структуры населения и механизма ее воспроизводства. Произошла та самая дестабилизация общества, о которой так долго мечтали на Западе. Усилилась сверх меры неадекватность социального положения людей, ослабли гарантии удовлетворения минимальных потребностей. Ослабла заинтере-

сованность массы людей в делах и интимной жизни их деловых коллективов. Произошло ослабление и порою даже разрушение прикрепленности граждан к деловым коллективам, а также ослабление власти коллектива над индивидом. Произошло вопиющее нарушение принципов вознаграждения за труд и распределения жизненных благ.

Кризис власти (государства) проявился прежде всего в том, что стало невозможно сохранять ее как единое и слаженное целое. Во власти всегда происходила борьба группировок. Но вовне власть всегда выступала как единое целое. Теперь она раскололась на всеобщее обозрение, и внутренние конфликты стали предметом всеобщего достояния. Группировки проявили непримиримую вражду по отношению друг к другу. Высшая власть утратила прежний контроль над нижестоящими подразделениями. Стержневая часть утратила прежний контроль над прочими разветвлениями власти. Органы порядка перестали выполнять свои функции на должном уровне. Милиция оказалась неспособной бороться с ростом преступности. Органы государственной безопасности оказались бессильными бороться против нарастающих антигосударственных и антикоммунистических унастроений и действий.

Власть сама усилила этот аспект кризиса, реабилитировав прежних диссидентов и присвоив себе разоблачительские функции диссидентов. Заигрывания с Западом породили серию либеральных жестов, поощрив тем самым бунтарские, антигосударственные, антипартийные и антикоммунистические силы в стране. В том же направлении действовали разоблачения сталинизма и брежневизма. Расчеты власти на завоевание популярности не оправдались. Наоборот, она потеряла авторитет в глазах населения. Разоблачения сталинистов и брежневистов фактически нанесли удар по власти вообще. Начались такие массовые нападки на власть, каких не было за всю советскую историю. Они приняли откровенно антикоммунистический характер.

В самой сильной степени кризис власти затронул ее стержневую часть — партийный аппарат. Он утратил былой контроль за системой власти и оказался изолированным от управляемого общества. На него взвалили главную ответственность за то, в каком положении оказалась страна. Все нападки на представителей власти, обвинения их в коррупции, бюрократизме и консерватизме относились прежде всего к работникам партийного аппарата.

Антипартийные и фракционные выступления членов партии и даже представителей органов власти стали обычным делом. За них никто не наказывался ощутимым образом. Многие стали демонстративно выходить из партии. Антисоциалистические выступления и неподчинение властям перестали даже удивлять. На выборах в советы кандидаты партийных органов стали терпеть сокрушительное поражение. Допущение формы выборности в отношении невыборной, по существу, власти поставило всю профессиональную власть на грань катастрофы.

Политика гласности углубила и расширила идеологический кризис. Началось безудержное и бесконтрольное словоблудие, мазохистское саморазоблачение, оплевывание всех святынь советской истории, очернение советской реальности. Все истины марксизма-ленинизма были подвержены осмеянию. Всякая защита даже бесспорных истин его рассматривалась как признак реакционности и отсталости. Короче говоря, с марксизмом-ленинизмом обошлись чуть ли не как с враждебным идеологическим учением. Одновременно началось столь же безудержное заимствование идей из западной идеологии.

Неверие в марксистские идеалы и отказ от марксизма-ленинизма как от руководства к действию захватил самые верхи правящего слоя. Дискредитация идеологии стала стимулироваться сверху. И это несмотря на то, что многие положения марксизма-ленинизма могли бы как никогда послужить путеводной звездой в современной запутанной ситуации в мире. Коммунисты предавали марксизм-ленинизм именно тогда, когда на нем стоило настаивать особенно упорно.

Была потеряна эпохальная цель общества — его ориентация на «полный коммунизм». Доминирующим стало состояние бескультурности. Идеиные интересы заглохли или оттеснились куда-то на задворки человеческих душ. Разрушилось также сознание исторической миссии советского народа и сознание внешнего эпического врага. Советские люди стали видеть коммунистический идеал на Западе. Все то, что советская идеология и пропаганда с полным основанием утверждала о реальном капитализме и о Западе, стало восприниматься как идеологическая ложь, а идеологическая ложь и дезинформация, идущая с Запада, — как святая правда.

Социальный кризис особенно ощутимо проявился в сфере экономики. Подчеркиваю, это не экономический кризис, а имен-

но проявление социального кризиса в экономике. В основе его лежат сами принципы организации общества — системность, плановость, единое и централизованное управление, социальная организация людей. Внешними проявлениями кризиса является усиление обычных экономических трудностей сверх всякой меры. Но сущность его заключается в отступлении от коммунистических методов в экономике и в стремлении преодолеть экономические трудности капиталистическими методами. Нет надобности перечислять эти отступления, они общеизвестны.

В обществе сложилась ситуация, которую можно было бы назвать революционной, если бы в реальности назрели предпосылки для настоящего революционного переворота. Но таких предпосылок не было. И массы устремились не вперед, не в будущее, а назад, в прошлое. Псевдореволюционная ситуация могла породить только одно: попытку контрреволюции по отношению к революции, в результате которой возникло коммунистическое общество. С точки зрения эволюции коммунизма массы выступили как сила глубоко реакционная. Естественно, и вожди масс, отражающие их умонастроения, выступили с лозунгами, которые нисколько не считались с внутренними закономерностями и возможностями страны. Все идеалы ими были заимствованы в дореволюционной России, которую он и идеализировали, и на Западе, причем — не в западной реальности, которую они плохо знали и совсем не понимали, а в западной идеологии и пропаганде, рассчитанной на дураков из коммунистических стран.

Перестройка. С первых же шагов перестройки стало очевидно, что ее позитивные намерения (если таковые были на самом деле!) — поднять страну на уровень богатейших стран Запада путем некоего ускоренного развития — в принципе неосуществимы в существующих условиях. Вместо ускоренного прогресса начался стремительный регресс во всех основных аспектах жизни общества. Естественно, стали искать не объективные причины этого ухудшения, а виновников, якобы препятствовавших осуществлению замечательных планов горбачевской клики. И нашли их в сталинистах, брежневистах, одним словом, в неких консерваторах. Вот если бы не эти наделенные всеми мыслимыми недостатками исчадия сталинизма, то с молниеносной быстротой Советский Союз приобщился бы к высотам мировой цивилизации!

Зато разрушительная часть «перестройки» пошла чрезвы-

чайно успешно. Остановлюсь кратко на основных, на мой взгляд, «достижениях» на этот счет.

Теперь принято считать, что холодная война закончилась и что основная заслуга в этом принадлежит Горбачеву и его сообщникам. Но при этом помалкивают о том, в чем именно заключалась эта «заслуга». Пройдут годы, и потомки оценят роль горбачевской клики по достоинству, а именно как беспрецедентное в истории человечества предательство интересов своей страны и своего народа. Я не знаю в истории другого такого случая предательства, который по масштабам и последствиям можно было бы сопоставить с этим. Период Второй мировой войны дал много примеров предательства, но они просто детская забава в сравнении с тем, что удалось сделать горбачевской клике в мирное (в обычном смысле) время. Если бы лидеры Запада назначили на пост главы советского государства своего собственного политика, убежденного антикоммуниста, он не смог бы нанести такой ущерб Советскому Союзу и советскому народу, как это сделал Горбачев со своей кликой. Они действовали как опытные партийные аппаратчики, со знанием дела, используя всю мощь власти, которой обладало коммунистическое государство. Явление поистине поразительное, никак не укладывающееся в рамки здравого смысла: могучее коммунистическое государство использовалось как орудие разрушения общества, которому оно обязано своим существованием и охранять которое было его священным долгом!

Результатом окончания холодной войны явилось то, что распался советский блок в Европе и Советский Союз утратил свою роль второй сверхдержавы планеты. И главную роль в этом сыграла не мудрость и мужество лидеров Запада, а предательская внешнеполитическая стратегия советского руководства. Оно по своей инициативе, добровольно капитулировало перед Западом, само приползло на коленях к противнику со слезными мольбами принять добровольную капитуляцию. На Западе не ожидали такого щедрого подарка. Это было сделано с поистине русской щедростью. Это была своего рода антиатака на Запад: мол, возьмите все, что мы имеем, причем даром, даже с приплатой. И этот уникальный идиот-правитель и уникальный предатель в приступе маниакального тщеславия вознамерился тем самым начать «перестройку» всей планеты, всего человечества. Ему было невдомек, что Запад сам уже начал перестройку планеты, но по сво-

им, западным, планам и что в этих планах Запада ему, Горбачеву, отвели соответствующую роль — роль разрушителя советского общества.

Горбачев начал свою деятельность в качестве реформатора в условиях коммунистического социального строя. Никаких намерений разрушать его у него не было. А если они и были в тайниках сознания, он их не выражал явно. Наоборот, он клялся в верности марксизму-ленинизму и партии, клялся охранять и укреплять завоевания советской истории. Общеизвестно, чем кончилась его «перестройка». Она потерпела полный крах в позитивном смысле, зато преуспела в смысле негативном, т. е. в смысле разрушения всех основ советского общества и позорной капитуляции в холодной войне с Западом. Именно за эту разрушительную для Советского Союза деятельность Горбачев был вознагражден на Западе званиями «Человека года» и «Человека десятилетия», Нобелевской премией мира и многими другими наградами.

Горбачевизм начался как стремление насильственно навязать стране сверху (по инициативе ЦК КПСС, как постоянно подчеркивал сам Горбачев) реформы и создать для этого аппарат сверхвласти вне партийного аппарата и над ним, т.е. практически ослабив партийный аппарат, подчинив его личной власти нового вождя. В пропаганде, однако, это изобразили как борьбу против сталинизма и «застоя». Тем самым маскировалась суть «перестройки», завоевывалось одобрение советских людей и похвалы со стороны Запада. Что получилось на деле, это уже не зависело от первоначальных намерений.

Повторяю и подчеркиваю, все преобразования высших органов власти, происходившие по инициативе Горбачева, вели в одном направлении — в направлении создания аппарата сверхвласти, находящегося вне партийного аппарата и подчиняющего его себе. Самыми значительными шагами в этом направлении были, во-первых, создание президентской системы правления и, во-вторых, исключение из Конституции пункта о руководящей роли КПСС, низведение КПСС до статуса просто партии, допущение других политических партий (многопартийности) и лишение КПСС монополии на власть. Это произошло на чрезвычайном съезде народных депутатов в марте 1990 года.

В июле 1990 года состоялся XXVIII съезд КПСС. На нем консерваторам во главе с Лигачевым было нанесено окончатель-

ное поражение, они были выброшены из руководства партией. Путь к реализации амбиций Горбачева, казалось, был расчищен. Но новая организация органов власти, удовлетворив амбиции Горбачева в отношении его личного положения в них, оказалась непригодной для задуманных преобразований и вообще для управления страной нормальным образом. Получилась аморфная структура власти, заполненная к тому же дилетантами. Дабы компенсировать слабость новой власти, начались бесконечные горбачевские требования чрезвычайных полномочий. И он их получал. Став Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР и главой Вооруженных Сил, Горбачев тем самым с самого начала своего правления получил в свои руки всю полноту власти. Казалось, что еще нужно? А между тем вся история его правления состояла в том, что он просил и требовал предоставить ему ту самую полноту власти, которую он, казалось, имел изначально. В чем тут дело? Дело в том, что власть Горбачева в любом ее обличье была властью кризисной — он, как и вслед за ним Ельцин, впал в иллюзию, будто все проблемы страны можно было решить путем махинаций с системой власти. Полнота власти тут приобреталась формально, а не практически. Она была достаточно сильна, чтобы производить разрушительные действия, но слишком слаба, чтобы делать что-то позитивное, созидательное. Она все время казалась недостаточной, поскольку ее нельзя было употребить в дело должным образом, поскольку сам факт предоставления полномочий не делал подвластных покорными без применения орудий реальной власти, которая разрушалась. Если бы Горбачев был наделен полномочиями императора или даже фараона, суть дела от этого не изменилась бы.

Уже в горбачевские годы внешние факторы стали играть доминирующую роль в деятельности власти Советского Союза. Горбачев перешел грань, отделявшую деятельность в рамках советской государственности от деятельности по ее разрушению вообще. Вместо сталинистского типа коммунистической власти стал получаться политический урод, сочетавший в себе элементы, имитирующие западную демократию, и обломки разрушаемой коммунистической системы.

В республиках бывшего Советского Союза, включая Россию в первую очередь, сложились так называемые президентские системы власти, ничего общего не имеющие с президентской систе-

мой США или Франции, а именно диктаторские режимы, по сравнению с которыми брежневский режим выглядит как вершина либерализма. Рухнули прежние структуры профессиональной системы управления. На их месте возникли дилетантские структуры, не имеющие достоинств прежних, но зато усилившие их недостатки. Новые правители с удесятеренной силой сравнительно с предшественниками ринулись удовлетворять свои хищнические аппетиты. К ним присоединилось огромное число (если не большинство) прежних чиновников партийного и государственного аппарата, молниеносно изменивших свою политическую ориентацию. Гигантский хамелеон советской власти лишь изменил свою окраску применительно к новым условиям. Под другими названиями и в ухудшенном виде в республиках возродились тоталитарные режимы, обрядившиеся в оболочку антикоммунизма и национализма и утратившие черты прежней законности.

Вместо обещанного сокращения и удешевления аппарата власти произошло противоположное — он стал неумолимо разрастаться, а расходы на него увеличились за несколько месяцев в несколько раз сравнительно с прежними. Новые властители первым делом увеличили себе зарплату и прибрали к рукам все привилегии прежних работников власти. Они стали пользоваться внеочередностью везде и во всем, летали бесплатно на самолетах. В их распоряжении оказались лучшие гостиницы и санатории, бесплатные автомашины, заграничные паспорта, специальные больницы и т.п. Трудно назвать депутата-демократа, который не побывал бы несколько раз на Западе и не привез бы оттуда дефицитные в Советском Союзе вещи, которые продавались затем за огромные деньги. Даже западные газеты с удивлением писали о том, что новые советские правители в огромном числе открыли себе счета в западных банках. Демократы завладели закрытыми распределителями продуктов, им доставалась львиная доля строившихся квартир.

Демократы устроили злобную травлю бывших работников партийного аппарата КПСС, заполнив этим все средства массовой информации, включая органы самой КПСС. Одним словом, получилась не демократия западного образца, лишь ее имитация в советском духе, лишь вывернутая наизнанку прежняя система. Работало лишь то, что как-то осталось от прошлого, только много хуже, чем раньше.

Было бы удивительно, если бы в таких условиях не стали по-

являться шарлатанские и шизофренические планы преобразования. И они стали появляться, причем — один глупее другого. Все рекорды на этот счет побил план «500 дней». Согласно этому плану, Советский Союз в течение пятисот дней должен был превратиться из коммунистической страны в страну капиталистическую, причем на уровне передовых западных стран. На Западе этот план хвалили, ибо понимали, что претворение его в жизнь привело бы к молниеносному краху советского общества. Горбачевцы от этого плана отказались, поскольку абсурдность его была очевидна даже им. Но они не отказались от идеи введения «рыночной экономики» и приватизации, которая стала витать в их сознании как панацея от всех бед. В результате в стране стала стремительно деградировать старая экономическая система, уступая место экономике криминальной.

Вместо разрушенной коммунистической (плановой и командной) экономики возникла не рыночная экономика, к какой призывали новые лидеры и хозяева страны, не имевшие ни малейшего понятия о механизме реальной рыночной экономики западных стран, а лишь ее карикатурная имитация. По существу же, эта экономика явилась лишь легализацией преступной («тевевой») экономики брежневских лет, а также расцветом мафиозной экономики, грабящей страну совместно с представителями экономической интервенции со стороны Запада. Началось разбазаривание всего ценного, что было создано трудом, умом и талантом народа за годы советской истории. Жизненный уровень масс населения стремительно снизился сравнительно с брежневскими годами, которые теперь стали вспоминаться как «золотой век» русской истории. От всего этого выгадало ничтожное меньшинство населения — преступники, нажившие в считанные дни баснословные богатства. Но возникли эти богатства не за счет подъема экономики и роста производства, а за счет ее упадка и краха производства, т.е. путем ограбления масс рядовых граждан и накопленных ранее ресурсов страны.

Результатом политики горбачевских реформ явилось не новое устойчивое состояние общества, а его дальнейшая дестабилизация, превысившая всякие допустимые границы. Плохо ли, хорошо ли, но общественный механизм до этого как-то работал. Его детали были как-то скоординированы. Реформаторская же суэта разрегулировала его окончательно. Горбачевцы вели себя подобно некомпетентным в технике авантюристам, которые хаотиче-

ски заменяют устаревшие детали в устаревшей машине новыми деталями, игнорируя принципы работы машины как целого.

Прибегая к другому образному сравнению, горбачевское руководство оказалось подобным обезумевшему капитану, который направил свой корабль в минуту опасности на гибельные рифы.

Но самый страшный результат того, что произошло после 1985 года в нашей стране, это моральное, психологическое и идейное разложение основного населения страны. Люди уже не могут сознаться в том, что совершили эпохальную глупость, добровольно поддавшись влиянию реформаторов и их западных наставников. Теперь они в отчаянии от того, что произошло. Но в России просто нет авторитетных для них сил и вождей, которые могли бы указать им приемлемый выход из катастрофического положения и за которыми они могли бы пойти.

Объективные и субъективные факторы. Если в созревании кризиса в Советском Союзе в доперестроечные годы главную роль сыграли факторы объективные, то в той катастрофе, которая произошла в 1985—1991 годы и завершилась контрреволюцией 1991 года, решающую роль сыграли факторы субъективные: глупость, тщеславие, готовность пойти на предательство, идейный цинизм. Эти факторы действовали и ранее, и в годы до «перестройки». Они сыграли решающую роль в том, что кризис советского общества перерос в его крах и в антикоммунистический переворот.